

Лорина Репина

**МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМ
И ГЛОБАЛЬНЫМ: ПОИСКИ
ИНТЕГРАТИВНЫХ ПОДХОДОВ***

Характеризуя в целом ситуацию, сложившуюся в исторической науке на рубеже XX и XXI вв., как «историографическую революцию»¹, Б. Г. Могильницкий относит текущий момент к ее третьему этапу, условно обозначив предшествующие первый и второй этапы, соответственно, как объективистский (сциентистский), связанный «с широкими историко-социологическими построениями, увенчанными грандиозным опытом создания «глобальной истории», и субъективистский (постмодернистский), озаменованный «поворотом к субъективности» и «открытием» микроистории как ведущего жанра исторического исследования»².

При всей условности такого разграничения, а тем более — констатации прямой связи постмодернизма и микроистории, имеющей в своем обширном «ассортименте» и явно сциентистские версии³, зафиксируем главное отличие двух последних этапов. На первом происходит сдвиг исследовательского интереса от макро- к микроанализу, от «глобального» к «индивидуальному», от структур большой

* В статье использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.

¹ Само понятие «историографическая революция», отражающее радикальные перемены в предмете и методах исторической науки, было введено в конце 1980-х гг. выдающимся отечественным историком и методологом М. А. Баргом. См., в частности: *Барг М. А.* Человек — общество — история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45. См. также публикацию прений по докладам на известном международном коллоквиуме, проведенном в 1989 г. в Москве и посвященном юбилею «Анналов»: Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1993.

² *Могильницкий Б. Г.* История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М., 2004. С. 6.

³ Особенно ярко они проявляются в конкретных исследованиях и теоретических работах Джованни Леви. См., например, его размышления об исследовательских процедурах микроистории и проблеме контекстуализации в статье: *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 181–186.

длительности к социальной практике конкретных действующих лиц в конкретных жизненных ситуациях, и в целом доминирует тенденция «к первоочередному изучению относительно ограниченных по временному и пространственному протяжению ситуаций прошлого»⁴. Что касается текущего этапа, то его — вполне в духе диалектической логики — характеризуют интенсивные поиски интегральной, синтетической исследовательской модели, построенной на принципе взаимодополнительности микро- и макроисторического подходов⁵, как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане.

Региональная история: преимущества и перспективы

Радикальное разрастание экономических связей и системы массовых коммуникаций в современном мире существенно расширило платформу взаимодействия между его разными частями, в том числе в форме конфликтов, не укладывающихся в привычную модель противостояния национальных государств. Одной из не первостепенных, но явственных примет этого глобализирующегося мира в его интеллектуальном преломлении стало отступление парадигмы национальной истории с доминирующих позиций, которые она занимала с XIX столетия, и начавшаяся перестройка в статусной иерархии исторических дисциплин⁶. Процессы регионализации, наблюдаемые, с одной стороны, в интеграции локальных сообществ в более широкие территориальные комплексы, с другой — в сохранении культурных различий как в рамках этих территориальных образований, так и между ними (так «размывается» сложившаяся в новое время и до сих пор формирующая нашу «ретроспективную оптику» исторически несостоятельная концепция жестких государственных границ), привели к актуализации и эскалации трансдисциплинарных региональных исследований. На рубеже XX–XXI вв. региональная история решительно размежевывается с историей национальной (как и межнациональной), в одних своих версиях смыкаясь с локальной историей, в других — дистанцируясь от нее, причем границы между ними остаются неясными и зачастую просто не рефлексировуются.

Противоречивые дефиниции региональной истории отражают имеющиеся различия в трактовках понятия региона. Эти различия

⁴ Бессмертный Ю. Л. Как писать историю. Французская историография в 1994 – 1997 гг.: методологические веяния. М., 1998. С. 2.

⁵ Подробно об этом см.: Репина Л. П. Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 61–88.

⁶ См., в частности: *Wallerstein E. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms. Cambridge, 1995.*

проявляются в отношении их пространственных масштабов — согласно различным схемам организации географического пространства или дифференциации исследуемых регионов на внутригосударственные и надгосударственные, а также в критериях их выделения на основе общего набора содержательных характеристик. Регионы и сегодня нередко определяются историками по территориально-административным границам и номинируются по названиям соответствующих округов или исторических областей, причем обычно ретроспективно используются нынешние границы, без учета их подвижности и изменчивой конфигурации. Более осмысленная и продвинутая исследовательская модель опирается на комплекс природных, экономических, культурных и других признаков, который может объединять несколько округов или существовать внутри одного из них, но все же представлять собой некую культурно-хозяйственную целостность на основе общих представлений, образа жизни, исторических традиций, независимо от современных административных границ.

Поскольку ни сугубо географические, ни административные таксономические единицы территориального членения не могут сегодня служить опорой теоретического «регионостроительства», историографические споры вокруг дефиниций остаются малопродуктивными и рискуют затянуться. Найти какой-то безупречно нейтральный термин невозможно в силу историко-культурной «привязанности» всех понятий, имеющих хождение в мировой и отечественной историографии. В целом соглашаясь с критическими соображениями М. П. Мохначевой по поводу существующих этимологических изысканий⁷, считаю целесообразным, по возможности, избегать в обозначении научных направлений слов, излишне нагруженных коннотациями — таких, например, как эпитет «провинциальный». Термин «регион/региональный» можно признать наиболее нейтральным из всех возможных. И он правомерно стал практически общепринятым в международном научном сообществе, так как дает возможность обозначить отличие научного подхода к изучению прошлого, обозначаемого данным термином, от традиционных для соответствующих национальных традиций историописания — например, «истории области/края» в России, «истории земли» в Германии, «истории графства» в Англии, «истории провинции» во Франции (провинции в административно-

⁷ Подробнее см.: Мохначева М. П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 202–216. Ср.: Шмидт С. О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000. С. 11–15.

территориальном значении, а не в значении периферии), — оставив эти последние для обозначения объектов историко-историографических исследований⁸.

Региональная история сегодня рассматривается в двух зачастую несоизмеримых культурных контекстах, имеющих разную идейную ориентацию: с одной стороны, как способ мобилизации исторической памяти, а, с другой — как инструмент научно-исторического познания, отражающий современное состояние исторической науки, мировую историографическую практику, в которой находят применение теории, методы и концепции смежных дисциплин — к примеру, концепции «ментального пространства» и «воображаемых сообществ»⁹.

Первая ипостась региональной истории ярко воплощается в краеведении, или так называемой «истории родного края», которая составляет региональный компонент национально ориентированного школьного образования. М. Ф. Румянцева, размышляя о причинах актуализации краеведения, справедливо отмечает его поощрение властями как идеологического средства государственного и национального утверждения. Представляя краеведение и новую локальную историю «как два оппонирующих типа локальных/региональных исследований — интравертный и экстравертный соответственно», она подчеркивает «значение новой локальной истории как концептуальной основы преодоления ксенофобии и воспитания толерантного мировосприятия»¹⁰. В той же плоскости рассматривается и весьма перспективная «история пограничных областей», которая развивается в контексте новой локальной и культурной истории. Однако, если в политических и этических аргументах относительно значимости изучения пограничных зон, представляющих опыт (хотя и неодно-

⁸ Образцом последнего может служить фундаментальный коллективный труд «Английские истории графств» (English County Histories. A Guide // Ed. by C. R. J. Currie and C. R. Elrington. Stroud, 1994), в котором представлен анализ особого рода исторических нарративов — всех так называемых «историй графств» (разных уровней — и графства как целого, и его округов, и выходящих за его пределы культурно-исторических областей), начиная с местных эрудитов XVI столетия (включая неопубликованные рукописи, завершённые и незавершённые, а также собранные антикварами коллекции документов и артефактов, предназначавшихся для создания истории графства или его частей, или отдельных местных общин) и до профессионалов конца XX века.

⁹ Так, например, Д. В. Сень рассматривает формирование ментальных границ региона «Кубань» в составе Российской империи («присвоение и символическое освоение») как «пример воображаемого пространства, судьба которого теснейшим образом была связана с имперскими «войнами памяти», необходимостью со стороны российского царизма управлять новыми окраинными землями». Сень Д. Воображаемая география в дискурсе империй: из истории «русификации» Причерноморья в конце XVIII века // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 7. Київ, 2007. С. 346.

¹⁰ Румянцева М. Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. Вип. 3. Ставрополь, 2006. С. 272–273.

значный) совместного существования разных этнокультурных групп, для «воспитания в духе сотрудничества, синкретизма и интеграции» и «в интересах взаимопонимания»¹¹ недостатка нет, то научные основания и перспективы, которые открываются в *истории пограничья (borderland history)* и в *истории контактных зон*, до сих пор остаются слабо эксплицированными.

При высоком градусе терминологических споров представляется странным, что в них, как правило, обходится стороной вопрос о предметных и методологических различиях локальной и региональной истории и связанный с ним вопрос о последовательной трансформации наиболее продвинутых концепций «новой локальной истории»¹².

Отсутствие в современной историографии четкого различения предметных полей локальной и региональной истории проявляется в их практическом отождествлении в учебных планах научно-образовательных центров. Показательна магистерская программа специализации по локальной и региональной истории (MA in Local and Regional History) Института исторических исследований Лондонского университета. Программа, в фокусе которой — история графств, состоит из трех частей: общие подходы к региональной истории; пространственно-временные определения регионов, миграция и этничность, экономика, политика и религия, культурная идентичность, внешние связи и влияния, причем вводный курс включает тему «Идентификация регионов». Вместе с тем одна из самых интересных программ по региональной истории — магистерская программа международного Центра региональной истории (Centre for Regional History) при Институте истории Северо-Восточной Англии (the North-East England History Institute) — предлагает более широкий подход к региональной истории, стимулируя ее изучение как в национальном, так и в межнациональном контекстах с применением компаративного анализа.

В плане концептуализации локальной и региональной истории передовые позиции принадлежат такому признанному авторитету, как Чарльз Фитьян-Адамс. Его известная концепция локальной социальной истории¹³ постепенно, но неуклонно расширялась и трансформировалась: от его книги об отдельной городской общине через

¹¹ См., например: *Коткин С.* О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000. С. 16–20.

¹² О концепциях разных поколений представителей британской школы локальной истории см.: *Фитьян-Адамс Ч.* Англия Хоскинса: гений локальной истории // Диалог со временем: историки в меняющемся мире / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 1996; *Репина Л. П.* Новая локальная истории // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003. С. 10–20.

¹³ *Phythian-Adams Ch.* Re-thinking English Local History. Leicester: Leicester Univ. Press, 1987, 1991.

реконструкцию сельских сетей и взаимосвязей между городом и округой, и далее, через анализ развивающейся региональной идентичности в пограничных областях, к обобщающему труду, в котором исследуется эволюция провинциальной Англии как целого, с характерными для нее механизмами внутренней дифференциации, на историческом протяжении от Римской Британии до сегодняшнего дня, в широких контекстах всего Британского архипелага и континентальной Европы¹⁴. Выявление локальных, межлокальных, региональных социальных сетей и содержания осуществляемых в них взаимодействий с выходами в межрегиональное и глобальное пространство представляется одной из весьма востребованных возможностей региональной истории. «Опутывая» пространства разного уровня, эта флуктуирующая сеть, в которой реализуется реальное многообразие социальных связей, формирует соединительную ткань социального целого.

Насколько правомерно в данном случае — в связи с заметным отходом «региональных» историков от перспективы национально-государственной истории — говорить об усилении «фрагментации» исторического знания¹⁵? Это явление, скорее, характерно для исторических сочинений, занятых любительским или заказным продуцированием коллективной памяти и абсолютизирующих локальную (зачастую этнически детерминированную) перспективу в интересах конструирования локальных идентичностей (местного/этнического самосознания). Что касается собственно исторического знания, производимого на уровне научных исторических программ современной локальной и региональной истории, занимающих все более прочные позиции в мировой историографии, то здесь превалирует контекстуальное мышление, ориентация на компаративный анализ вариантов локально-регионального развития и изучение системы взаимосвязей как внутри микро- и мезо-социума, так и вне его.

Подобные принципы положены в основу концепции, разработанной ставропольскими и московскими историками научно-образовательного центра «Новая локальная история». Эта концепция предполагает пристальное внимание к научно-методическому инструментарию и к контекстам локальной истории, понимание глобальной перспективы той или иной проблемы, опору на способность «видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать *контекстность*, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней», строить исследование «на признании глубокой взаимной детерминации «внешнего» и

¹⁴ См., например: *Коткин С.* О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000. С. 16-20.

¹⁵ *Маловичко С.И.* Глокальная перспектива новой локальной истории // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 185.

«внутреннего»¹⁶. В некоторых отношениях эта научная программа существенно развивает установившиеся в зарубежной историографии подходы. Так, чрезвычайно важным представляется обращение отечественных историков к отнюдь не тривиальным проблемам региональной истории — изучению интеллектуальной жизни региона и конкретных локальных сообществ на основе комплексного анализа локальных источников, в том числе местной периодики.

Региональная история сегодня стремительно развивается, ее теоретические основания и методы постоянно обогащаются на базе междисциплинарного и международного сотрудничества, преодолевающего концептуально-терминологические и страновые барьеры.

Городские микроструктуры и город как субсистема в истории

На всем протяжении XX века в исторической науке наблюдался неуклонный интерес к проблемам городской истории. Особенно он активизировался в середине и во второй половине прошлого столетия, когда на волне взаимного сближения истории и социологии исторической урбанистикой были достигнуты впечатляющие научные результаты.

В отечественной литературе теории урбан-социологии второй половины XX века делятся на «экологические», «типологические» и «эволюционистские». В экологических теориях город рассматривается как автономное целое и независимая переменная. В типологических схемах город фигурирует уже как зависимая переменная, но без указания на основание этой зависимости. Они прикладываются без учета категории времени к конкретному материалу разных стран и эпох. Эти два направления имеют длительную историю и своих родоначальников в лице классиков западной социологии: Р. Парка, М. Вебера и Э. Дюркгейма. Еще в 1960-е годы в процессе критики первых двух направлений сформировалось третье, эволюционистское направление, в русле которого рассматривался уже не город как таковой, а процесс урбанизации как одна из сторон исторического процесса, понятого в рамках общесоциологических эволюционных теорий.

Однако, предложенная этим направлением сверхобобщенная универсалистская концепция, основу которой составляла аналитическая модель, выделявшая по структурным характеристикам два типа городов — доиндустриальный и индустриальный (иногда с добавлением третьего — переходного типа), оказалась неприемлемой для исторически мыслящих ученых. Вскоре она была подвергнута обоснованной критике, убедительно доказавшей ее несостоятельность не только в историческом, но и в сравнительно-типологическом исследовании.

¹⁶ Булыгина Т. А., Маловичко С. И. Новая локальная история: Новые исследовательские практики // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 10.

Если от собственно урбан-социологии обратиться к исторической урбанистике, то можно обнаружить в этой междисциплинарной области исследований несколько подходов, которые могут быть условно определены как: 1) сравнительно-типологический (предмет исследования — город вообще и его варианты); 2) эволюционистский, или универсалистский (предмет исследования — урбанизация); 3) локальный (предмет исследования — город как целостный организм в его жестко фиксированных связях с местной периферией, то есть биография города и городских институтов — в сочетании с местной историей); 4) социально-контекстуальный (город берется в его социальном окружении и рассматривается как функция более крупной общественной системы); 5) системно-структурный (город рассматривается как подсистема, имеющая собственную развитую структуру — «городские микроструктуры»). Первые два подхода применяются почти исключительно в историко-социологических исследованиях, третий является традиционным для историографии еще с XIX века. Наконец, последние два подхода широко применяются в современной исторической урбанистике. Наиболее плодотворным является соединение этих двух разновидностей системного подхода как взаимодополнительных аспектов единого комплексного метода изучения городов прошлого¹⁷.

Что касается социально-контекстуального подхода, то он рельефно обозначился в середине 1970-х годов и, в соединении с анализом городских микроструктур, послужил теоретической основой так называемой «новой социальной истории и социологии города», или «новой городской истории», или же *урбан-истории* (от *urban history*, по аналогии с урбан-социологией — *urban sociology*) которая стала излюбленным местом приложения сил многочисленных сторонников междисциплинарного подхода¹⁸. Контекстуальный подход мыслился как вариант системного, предполагавший соблюдение принципа детерминации локальных форм социально-экономическим или социально-политическим контекстом¹⁹.

¹⁷ Город рассматривается и как продукт исторического развития другой, более сложной системы — общества, и как динамичная система, все составляющие которой исследуются в их взаимосвязи и в свете общих характеристик развития данного города как целостного образования.

¹⁸ Пионером урбан-истории был выдающийся британский историк Эйза Бриггс, который в лекции, опубликованной в 1960 г., а затем в своей монографии о викторианских городах призвал историков к заимствованию концепций урбан-социологии и к включению в свой арсенал междисциплинарного подхода. См. *Briggs A. Historians and the Study of Cities. Sydney, 1960.*

¹⁹ «Новая история и социология города» опиралась на концепции и классификации Макса Вебера и его тезис о том, что решающий для развития капитализма на Западе перелом произошел в особой категории городов. Подробнее об этом см. *Репина Л. П. История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике // История и историки. М., 1984. С. 88–111.*

Главное, что объединяло довольно разнородный контингент сторонников контекстуального подхода — это понимание города как частного выражения более крупных систем (цивилизаций, государств, обществ, способов производства) в противовес дуалистическим концепциям, отделяющим город от его окружения и противопоставляющим их друг другу. Важнейший организующий принцип — каждый город должен быть рассмотрен как подсистема в его принадлежности к региональной или национальной системе, в рамках которой отдельные города обладают конкретными функциями, взаимно дополняя друг друга.

В рамках этого подхода город предстал перед исследователем как комплексный объект (система или подсистема) в единстве своих многообразных (хозяйственных, организационных, административно-политических, военно-стратегических и других) функций и одновременно как элемент включающей его целостности, как пространственное воплощение ее социальных связей и культурной специфики, т.е. как динамично развивающаяся хозяйственная, социальная и культурная целостность в различных контекстах интерлокальных и региональных связей. Системный метод позволил выявить совокупность функциональных взаимосвязей между городом и сельской округой, проследить складывание иерархической городской сети, роль в ней различных типов городов.

Речь, таким образом, шла о новом понимании места и роли городов и урбанизации в истории человечества. В отличие от сторонников эволюционистского направления представители «новой социологии и истории города», рассматривая его как исторически конкретную социально-пространственную форму существования общественной системы, воспроизводящую и концентрирующую ее основные элементы и отношения, отмечали стадийную специфику урбанизационных процессов, так же как и различия в их цивилизационном содержании.

Город как целое, идеальный объект для комплексного междисциплинарного исследования, впервые превратился из своеобразной сценической площадки, места социально-исторического действия в специальный предмет изучения — именно в интеллектуальном контексте «новой городской истории». Исследования в этой области рассматривали свой предмет в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: демографии, социологии, экономической и исторической географии, этносоциологии, культурологии и других, каждая из которых имеет свои специфические методы и подходы к изучению города. Разумеется, нельзя не учитывать неизбежную сложность междисциплинарных коммуникаций, обусловленную несовпадением концептуальных основ, но главная трудность состояла в том, чтобы поставить столь разнообразные технические приемы на единую методологическую основу.

Огромное влияние на урбан-историю, изучающую город в контекстах разной конфигурации и масштаба, пронизанных связями различного характера, плотности и интенсивности, оказали синтетические броделевские концепции городских ареалов-пространств, в которых город того или иного типа реализовывал свои многообразные функции²⁰.

Остановимся более подробно на историографической ситуации вокруг комплексного изучения западноевропейского города эпохи Средневековья и начала Нового времени.

Характерное для современной медиэвистики стремление осмыслить всю сложность и многообразие средневекового урбанизма привело к отказу от одномерных трактовок феномена средневекового города и монокаузальных объяснений происхождения средневековых городов. Одновременно, обнаружили свою несостоятельность и попытки ограничиться псевдонаучными «плюралистическими», описательными определениями понятия средневекового города, включавшими весь набор признаков, характерных для различных поселений городского типа в средневековой Европе. Сложившаяся ситуация логического тупика потребовала изменения исходной установки и перехода от принципа множественности критериев к комбинированному критерию, фиксирующему комплекс необходимых конститутивных черт средневекового города или факторов его генезиса.

Большинство исследователей обычно отталкиваются от получившего широкое распространение социологического определения города как поселения, где сосредоточивается значительное число людей, большая часть которых занята неаграрной производственной деятельностью²¹. Однако само по себе это отвлеченно-абстрактное определение не может служить основой для создания обобщенной модели европейского средневекового города. Для научной типологизации необходима устойчивая система критериев, отражающая в своем фокусе различные стороны исторического процесса и дающая возможность учитывать его регионально-временную специфику. Город в своей социально-исторической реальности предстает как особая пространственная организация производственной деятельности, общественных отношений, политической и культурной активности, как пространственно-локализованная человеческая

²⁰ Концепции «мира-экономики» и «мира-цивилизации» Ф. Броделя зафиксировали два способа организации пространства: социально-экономический (экономическое пространство) и культурно-цивилизационный (культурное пространство). Бродель, как известно, подчеркивал, что «центровка зон экономических и зон культурных не совпадает». См.: *Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe — XVIIIe siecle*. Т. 1–3. Р., 1979.

²¹ Кстати, это определение исключает рыночные местечки, среди населения которых преобладали сельскохозяйственные занятия.

агломерация, наделенная совокупностью отличительных признаков, которые воплощаются в комплексе общественных функций и форм: в хозяйственной структуре, социальной иерархии, правовом режиме, административно-политической организации, культурной среде.

При характеристике западноевропейского средневекового города обычно отмечают следующие его признаки: особая пространственная структура, отделяющая его от окружающей территории; особая социально-профессиональная структура его населения, особый правовой статус горожан, особая судебная-административная система, а в ряде случаев — при всей социальной гетерогенности — особый городской менталитет. Конечно, в эту общую модель вносили свои коррективы некоторые региональные и стадиальные особенности развития, которые проявлялись не только в количественных, но и в качественных различиях по всем аспектам жизни городского сообщества. Именно географические и конкретно-исторические условия развития города предопределяли то соотношение сосредоточенных в нем разных видов деятельности (производства, обращения, управления и т.д.), которое должно быть зафиксировано в комплексном критерии общей типологизации.

Между тем, как правило, историки-урбанисты ограничиваются частными типологиями, классифицирующими средневековые города по тому или иному признаку или по одной из их функций. Например, по размеру и населенности: «большие», «средние», «малые», «карликовые» и т.д.; по хозяйственной структуре: аграрный город, рыночный город, «торговый Брюгге», «ремесленный Ипр», «потребляющий Рим», «производящая Флоренция»; по генезису: города основанные и города, возникшие спонтанно, и т.д. Таким образом, выделяется лишь одна из сторон городской истории и зачастую лишь один из этапов последней.

В качестве критерия частной типологизации можно выделить любой из перечисленных выше отличительных признаков, соизмеряя степень полноты их реализации в том или ином случае: например, по типу управления — от вотчинного через корпоративно-коммунальное до автономного города-государства. Однако, такая сложная целостность, как город, не может быть адекватно обозначена какой-либо одной стороной, будь то происхождение, конституция или тип хозяйства. Понимая это, некоторые историки выделяют два или три ключевых аспекта, как, например, известный американский урбанист Дэвид Николас, предложивший типологический анализ генезиса средневекового города в трех планах: топографическом, экономическом и правовом, с акцентом на экономический ряд особенностей как определяющий всю систему и глубину отделения города от деревни. Что касается дальнейших этапов развития средневекового города, то за критерий типологизации иногда принимается соотношение основных его функций — торгово-ремесленных и административно-политических.

Учитывая многофункциональность города и чрезвычайное разнообразие его региональных и стадиальных форм, можно было бы построить очень сложную классификационную систему по всем аспектам его жизнедеятельности: по пространственно-демографическим характеристикам, по широте хозяйственных связей, по степени правового иммунитета и административно-политической автономии и т.д. — с выделением различных типов в зависимости от интенсивности той или иной функции или уровня развития тех или иных форм. Разработка такой типологии, естественно, требует продолжительного углубленного изучения множества локальных вариантов европейского средневекового города с последующим построением многомерных моделей в амплитуде от рыночных местечек с преобладанием сельскохозяйственного производства и неразвитой социальной структурой, находившихся в сеньориальной зависимости и не имевших никакой самостоятельной роли в системе управления, до крупнейших торгово-промышленных и политических территориальных центров со сложной социальной иерархией и полномочиями государственной власти.

Таким образом, при несомненной уникальной индивидуальности каждого из городов, выявление некоторых особенностей их материально-пространственных, хозяйственных, социальных и политических структур позволяет определить степень развитости городских форм, проследить существенные изменения в уровне городского развития в том или ином регионе, сравнить уровень развития городов в разных регионах и в разные хронологические периоды, поскольку многие города прошли через этапы, соответствующие выделенным типам.

Приоритетом в качестве комбинированного основания типологизации пользуется связка «экономика — управление», в которой заложены такие характеристики как объем, уровень специализации и особенности организации ремесла и торговли, ориентация на внутренний и внешний рынок, степень административно-правовой и политической автономии самоуправляющихся городских общин. И все же более перспективно, по-видимому, искать комплексный критерий не по линии совмещения отдельных сторон городского бытия, а в главных узлах их взаимосвязей и в плоскости отношений между городом и его окружением, игравших определяющую роль в формировании специфического облика города. Важнейшей категорией такого рода является комплексное понятие городских ареалов, обозначающее те пространства, в которых город данного типа реализовал свои многообразные экономические, политико-административные и культурные функции, а типологические особенности города отражают направления и масштабы проходившего через него движения людей и вещей, посредством которого осуществлялось обращение товаров, контроль за территорией, а также передача и преобразование культурного опыта.

В самом понятии «городской центр» имманентно заложено представление о некоей принадлежащей ему периферии. Разность потенциалов этих отнюдь не автономных, а взаимно-соотнесенных структур, составляющих целостность, обеспечивает функционирование всей системы. Города жили в контекстах разной конфигурации и масштаба, охватываемых связями различного характера, плотности и интенсивности. Иными словами, город выступает как центр различных пространств: в одном случае они ограничиваются минимальным хинтерландом с несколькими деревушками, в другом — могут включать всю страну. В целом сфера влияния города условно образовывается последовательностью концентрических окружностей, внутри которых располагаются его зона снабжения продовольствием и сырьем, зона повседневных торговых контрактов, зона иммиграции, зоны посреднической или дальней торговли, административный округ, информационно-культурное пространство. Собственно, совокупность этих разных, лишь частично перекрывающих друг друга пространств и определяла город как таковой, его величину, богатство и специфику, его место в пространственно-поселенческой структуре региона.

Базовое значение в этой системе ареалов, очевидно, имела зона регулярных социально-экономических связей, которая вмещала в себя целый ряд примерно совпадавших или незначительно дополнявших друг друга пространств и придавала им определенное единство и относительную самодостаточность. Чем больше был радиус базового ареала, тем дальше проникали и шире распространялись устойчивые хозяйственные, управленческие и культурные функциональные связи городов, тем больше было его значение и выше статус как городского центра. Основными эмпирическими показателями для определения размера и типа города могут служить масштабы зоны его регулярных товарообменов, радиус притока иммигрантов, площадь и число населенных пунктов его административного округа. Эти параметры достаточно четко отражают ранг и роль города в его региональной сети — иерархической системе городских поселений: рыночных местечек, локальных, провинциальных, региональных, надрегиональных центрах, обладавших соответствующими сферами влияния.

Огромное значение в такой сети имели малые города, выполнявшие функции рыночного центра сельской округи, радиус которой обыкновенно не превышал 20–25 км. Находясь на небольшом расстоянии друг от друга (не случайно издавались даже специальные постановления о том, что нельзя учреждать рынок на расстоянии меньше мили от уже существующего), мелкие рыночные городки играли решающую организационную роль в осуществлении повседневного товарообмена: они создавали постоянный рынок для излишков продукции крестьянского и домениального хозяйства, для местного специализированного товарного производства.

Так называемые «локальные центры» тоже обслуживали главным образом ближайшую округу, и аграрный элемент занимал в их экономической жизни очень важное место, но они производили и довольно широкий ассортимент ремесленных изделий массового потребления, снабжая ими свой хозяйственный ареал, участвовали в низовых структурах местного управления. Привлекая на свои рынки крестьян и мелких торговцев, они выполняли также функции посредника между округой и другими, более крупными городскими центрами. Многочисленность малых городов, равномерность и необходимая частота этих промежуточных узелков, формирующих прочную основу региональной городской сети, обеспечивала ее жизнеспособность и эффективность, несмотря на все сложности, связанные с состоянием транспортных средств и системы коммуникаций средневековой эпохи. Тысячи мелких городков, покрывавших территорию Западной Европы (в большей или меньшей степени — в зависимости от региона) компенсировали эти недостатки²².

Важным моментом, привлекавшим к городу население и богатство, было его административное значение. Провинциальные (областные) центры были по-настоящему многофункциональными, они предлагали населению своего округа развернутый комплекс услуг в экономической, административной, духовно-религиозной сфере. Особое место занимали среди них те города, которые являлись резиденциями епископов, графов, князей и других светских и духовных магнатов, обладателей широких иммунитетных прав и властных полномочий. В административно-территориальных подразделениях централизованных государств их управленческие функции были существенно ограничены.

Чем обширнее и интенсивнее становились хозяйственные связи, тем сильнее росло притяжение города, тем больше людей стекались в него, тем дальше отодвигались пределы его зоны влияния, а само ее пространство уплотнялось. Уже в XI–XII вв. выделяются крупные торгово-ремесленные центры, политическое и экономическое воздействие которых охватывало более или менее обширный регион. В более позднее время постепенно формируется развитая региональная сеть с множеством узлов и переплетающихся связей разного радиуса. Максимального развития такая сеть достигла в самых урбанизированных регионах средневековой Европы — во Фландрии и в Тоскане. В Германии сложились три зоны урбанизации: южногерманская, северогерманская и прирейнская.

²² Так, в Германии, где в XV веке насчитывалось около трех тысяч городов разных размеров, они располагались на юго-западе страны в четырех-пяти часах пути один от другого, а на северо-востоке — в семи-восьми часах пути.

Площадь региона в огромной степени зависела от природных условий (в первую очередь от разветвленности и протяженности судоходных речных и морских коммуникаций, от географического положения относительно исторически сложившихся зон международной торговли, от политического статуса главного города, доминировавшего в регионе — его «метрополии»). Определяя территориальные границы региона, безусловно, нельзя забывать о том, что он не сводится к чисто географическим параметрам, поскольку пространственные характеристики выражают лишь один из аспектов того социума, частью которого являлись города всех типов. Внутренняя связанность региона проявлялась в движении людей в город и из него, в перевозке товаров в город для потребления на месте или для дальнейшего перераспределения, в специализации сельского хозяйства или эксплуатации других природных ресурсов, в распространении информации и новых идей и т.д. Крупные региональные центры вели также активную внешнюю торговлю, некоторые из них являлись важными перевалочными пунктами на главных торговых путях и таким образом участвовали в межрегиональном и международном обмене. Даже города средних размеров были неспособны жить исключительно за счет непосредственно прилегающей округи. Крупные города обычно имели разветвленную систему снабжения продовольствием и сырьем, выходящую на дальние внешние рынки. Центры экспортных ремесел и дальней торговли всегда были городами первого ранга. Они связывали регион с внешним миром, образуя, таким образом, узлы более просторной, европейской сети. Эти контакты, конечно, не ограничивались хозяйственной сферой, они имели и социальное, и политическое, и культурное измерения.

Для региональных сетей средневековой Европы была характерна некоторая модель расселения. Городское население региона обычно было разделено между «метрополией», которая господствовала над регионом, двумя-тремя городами второго ранга, несколькими городами среднего размера в соотношении примерно 6:2:1²³ и многочисленными малыми городами. На последние (в совокупности) могло приходиться около трети всего городского населения области. Принято также считать, что население столицы средневекового государства (с явным преимуществом аграрного сектора в экономике) составляло около полутора процентов от всего населения страны (такова была доля Лондона в 1377 г.), население крупного регионального центра — около 4% от жителей области. В «метрополии» высоко урбанизированного региона могло быть сосредоточено до 10% его населения, например, во Флоренции в XIII веке — 9%.

²³ Нельзя забывать о том, что «провинциальная столица» как административно-политический центр региона, становилась и центром его системы социальных коммуникаций.

Разумеется, подобные модели весьма условны, как, впрочем, и статичные схемы городских сетей. Жизнь не стояла на месте. Ареалы городов то расширялись, то суживались, конфигурация сети изменялась, в ней возникали новые города и приходили в упадок старые, многие центры перемещались вверх и вниз по ее иерархической лестнице. Почти все крупные города Западной Европы были основаны до 1300 г. и некогда прошли в своей эволюции через последовательные стадии, соответствовавшие различным типам. На протяжении всего средневековья новые малые города, в зависимости от местных хозяйственных потребностей, заполняли лакуны, оставшиеся в городской сети в областях запоздалой и поверхностной урбанизации, образовавшиеся в период Черной Смерти и демографического спада или открывшиеся в результате изменения торговых маршрутов, появления новых промыслов и перестройки региональной экономики в XIV–XV вв.

Современные исследования показывают, что с конца XIV–XV вв. происходят значительные изменения иерархий в городских сетях и их территориальных конфигураций под воздействием крупных структурных сдвигов экономического, социального, политического характера, а также в результате формирования, с одной стороны, новых региональных столиц, центров административного управления, а с другой — массы «неполноценных городов», поселений городского типа, лишенных соответствующего правового статуса. Параллельно шло оформление прежде разрозненных провинциальных или региональных городских систем в единую тесно взаимосвязанную систему в масштабе страны. Важную роль в этом процессе играли так называемые «малые города», которые выступают как специфическая форма урбанизации позднего Средневековья и раннего Нового времени²⁴.

Малые города и местечки, даже оказываясь в сфере политического или хозяйственного воздействия более крупных городских центров, не утрачивали своей специфической хозяйственной функции местного рынка, доступного прежде всего для крестьян всех деревень округи. Но особенно возростала экономическая роль малых городов в регионах с немногочисленными крупными городами и развитой агрикультурой. Создавая в своей совокупности постоянный рынок для продукции крестьянского и сеньориального хозяйства, они усиливали товарообмен в пределах областей, внося свой вклад в формирование внутреннего рынка страны. Но вклад малых городов этим далеко не

²⁴ Малые города — это особая тема «новой социальной истории»: до нее исследования по малым городам не выходили за рамки традиционного «краеведения». Подробно о проблеме малых городов западноевропейского средневековья см.: *Ястребицкая А. Л.* Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // *Средние века*. Вып. 51. М., 1988. С. 59–79.

исчерпывался. Отношения между рыночными городками и сельской округой диктовались не только экономическими законами: они (пусть и не в той степени, что более крупные городские центры) обеспечивали и ее социальные и религиозно-культурные потребности, играя заметную социоинтегративную роль²⁵.

В последней трети XX века историческая урбанистика поставила вопрос о «городском пространстве» как сфере, где действуют специфические формы солидарности и социальной напряженности; где пересекаются различные культурные, профессиональные, политические, властные структуры. В ходе изучения социальной топографии, форм повседневности, ценностных ориентаций, стереотипов поведения различных слоев и групп городского населения укреплялось представление о городе как о специфической социокультурной целостности, базирующейся на сложной системе специфических взаимосвязей и взаимодействий между индивидами и общностями, материальными условиями и культурными силами, между нормой и реальной практикой, ценностными ориентациями и формами коммуникаций.

Были изучены основные тенденции изменения городской среды и развития городской инфраструктуры на разных этапах и на примере разных городских центров, рассмотрены изменения в городской культуре и в социальном облике городов в процессе урбанизации. Ведь город — это особая система: во все ее структуры входит население города, деятельность которого и формирует городскую среду и городскую культуру. И вполне естественно, социально-историческая урбанистика не ограничивалась исследованием региональных городских систем: очень скоро ее основные усилия сосредоточились на анализе социальных групп городского населения и связей внутри городского сообщества. Центральным моментом в исследовании городских микроструктур стало внимание к горизонтальным связям, связям социальной сплоченности, с использованием методов сетевого анализа.

Городские социальные общности разного уровня стали рассматриваться, с одной стороны, как форма гарантии безопасности и интересов индивида и коллективных привилегий, а с другой — как органы общественной солидарности, обеспечивавшие интегрирование индивидов в единый организм. «Новая социальная история» сделала предметом своего изучения социальные микроструктуры: семью, соседство, цех или гильдию, общину, приход, разного рода другие общности и корпорации, которые были столь распространены в доиндустриальную эпоху. «Новая социальная история» открыла целый мир разнообразных межличностных контактов и во многом изменила представление о городской жизни Средневековья и Раннего Нового времени.

²⁵ См., в частности: *Dyer C. Market Towns and the Countryside in Late Medieval England // Canadian Journal of History. Vol. XXXI. April 1996. P. 17–35.*

Исследования подобного рода по истории средневековой Англии, в частности, показали, что сети родственных контактов очень редко оказывались плотными и обширными, а их интенсивность обнаруживала скорее зависимость от темпов роста и уровня географической мобильности населения, чем от какого-либо особого качества сельского или городского социального пространства. Поскольку многие городские приходы были небольшими по территории, то в них, как и в сельских, господствовали непосредственные личные отношения, закреплявшиеся исключительно широкой приходской системой самоуправления (в которую в той или иной мере было вовлечено большинство домовладельцев), а также постоянным участием в церковных обрядах и других формах религиозной жизни прихода.

Наряду с этими формальными социальными институтами, весьма существенную роль играли такие неформальные основания межличностных отношений, как длительное соседство и совместная экономическая деятельность. Конечно, локальная направленность социальной активности в городе и в деревне не означала полной замкнутости соседской общности и не исключала важных внешних контактов многих ее членов. Но собранные материалы однозначно свидетельствуют о том, что в повседневной жизни соседские связи имели первостепенное значение, а горизонты социального взаимодействия были относительно широкими лишь на вершине социальной пирамиды и сужались к ее основанию.

В большинстве конкретно-исторических работ по истории городских социальных общностей отмечается расширенный, по сравнению с деревней, характер индивидуальных сетей, связанный с повышенной плотностью населения и интенсивностью отношений обмена. Поскольку городской социум задает индивиду формы социальности, неизвестные деревне, последние нередко становятся предметом специального рассмотрения, в котором выделяется круг проблем, связанных с процессами социальной адаптации и интеграции и с последующим социальным продвижением иммигрантов.

Переход от изучения истории того или иного города и анализа городских институтов и иерархических структур к сосредоточению внимания на отдельных группах городского общества повлек за собой и еще один шаг. К концу XX века ключевые проблемы городской истории стали все чаще рассматриваться сквозь призму индивидуальных судеб и личного опыта отдельных людей, представителей разных социальных и возрастных групп. Этот новый подход поставил перед социальными историками ряд методологических проблем, связанных с трудностями обобщения и оценки многообразных и зачастую взаимоисключающих данных о жизненных путях и изменяющемся социальном положении людей, принадлежавших к разным социальным группам, которые отличались значительной внутренней неоднородностью и изменчивостью статуса на различных стадиях

жизненного цикла. К тому же новый подход нередко игнорирует более широкий контекст жизни городской общины, ограничиваясь непосредственным анализом ее подгрупп. Таким образом, вновь встал вопрос о необходимости обратить более пристальное внимание на структуры общественной жизни, связующие воедино весь динамичный городской социум, на организацию и функционирование городского пространства, на новые способы формирования городской идентичности, на различия в моделях городского поведения и ритмах социальной жизни городов разных типов.

Внутригородские микроструктуры (а в историографии западноевропейского города микроструктурами называются именно внутригородские образования) в их многообразии обеспечивали устойчивость городской социальной системы. Ремесленные цехи и купеческие корпорации, приходы и соседские организации, религиозные сообщества (гильдии, братства и т.д.) осуществляли многообразные функции, включая обеспечение механизмов групповой солидарности и социального контроля. Вообще выстраивалась весьма плотная система социального контроля: муниципальный контроль, соседский контроль, цеховой контроль и т.д. Функции взаимной поддержки и контроля были характерны для всех многообразных городских общностей.

Важная тема для истории городского развития — тема миграций, и в последние десятилетия все больше акцент переносится со статистики передвижений и с выяснения механизмов «выталкивания» и «притяжения» к проблемам адаптации новопришельцев, к трудностям их вхождения в сообщество горожан, к тем социальным формам и институтам, которые способствовали этому процессу. В связи с этим очень активно изучаются добровольные ассоциации горожан — так называемые религиозные братства и рекреативные корпорации клубного типа. Именно через эти организации, в которых актуализировались горизонтальные и вертикальные связи, происходило наиболее успешное включение пришлых в городскую жизнь. А наличие большого числа такого рода организаций давало им если не свободу выбора, то, по меньшей мере, свободу маневра.

Изучение той роли, которую играло членство в целом спектре братств, гильдий и клубов, показало, что отношения внутри них были поливалентными, они связывали представителей разных профессий, разного социального статуса, разных половозрастных групп. Разнообразные клубы, к которым принадлежали горожане различного социального статуса, демонстрируют пути формирования и социальные последствия подобных вертикальных связей. И хотя отдельные случаи разнятся множеством конкретных деталей, сравнительные исследования по городам Италии, Франции, Англии и Германии в позднее средневековье позволяют сделать некоторые общие заключения.

Во-первых, излишняя упрощенность традиционных взглядов на картину социальной жизни в городе во многом происходит из игнорирования того факта, что индивид одновременно обладал множеством идентичностей. Статус работника в средневековых городах не был предопределен социально-экономическими структурами (реальными или воображаемыми), а представлял собой социальный процесс. Любой пришлый работник начинал с того, чтобы найти точку опоры в городской среде. Главной насущной задачей средневекового ремесленника было завоевание хорошей личной репутации. Значение этого императива усиливалось именно высокой мобильностью трудового населения в позднее средневековье и тем более в новое время. Эта мобильность была характерна не только для слуг и наемных работников, подмастерьев, но и домохозяйства вполне самостоятельных ремесленников и купцов насчитывали немало недавних иммигрантов, стремящихся повысить свой статус. Индивид, потерявший связь со своим непосредственным окружением, имел очень шаткое положение на новом месте. Он не мог бы выжить в городской среде, не приобретя в ней то, что называется «личным кредитом», основанным на репутации, которая вызывает доверие. Такой точкой опоры становились религиозные братства²⁶.

В целом, итоги развития средневековой урбанистики показывают, что во второй половине XX — начале XXI века произошло принципиальное расширение горизонта наших представлений о городе как историческом феномене и одной из форм общественного бытия: установлены циклы движения хозяйственной жизни; формы организации городской экономики и их эволюция, сложность и специфика социальной стратификации населения, зависимость городских феноменов от региональных и местных особенностей; своеобразие городской культуры и социокультурных представлений и многое другое.

²⁶ См.: Rosser G. Solidarités et changements social. Les fraternitéurbaines anglaises à la fin du Moyen Age // *Annales E.S.C.* 1993. № 5. P. 1127–1143; *Idem.* Going to the Fraternity Feast: Commensality and Social Relations in Late Medieval England // *Journal of British Studies.* 1994. Vol. 33. № 4. P. 430–446; *Idem.* Crafts, Guilds and the Negotiation of Work in the Medieval Town // *Past & Present.* 1997. № 154. P. 3–31.